

ГЛАВА 1

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ ИСТОРИИ ПОЯВЛЕНИЯ НОВОЙ ТЕОРИИ

Как видно из введения, эта книга не учебник. Совсем. В ней не будет последовательного изложения всей экономической науки ни в формате политэкономии, ни в формате экономикс, ни в каком другом формате. С содержательной точки зрения она написана как ответ на совершенно неожиданное для меня как для исследователя обстоятельство. Будучи математиком, учась в математической школе и на математических факультетах Ярославского и Московского университетов, я был воспитан в рамках системного подхода к любому вопросу, который встречался на моем пути. И когда в конце 80-х годов я стал заниматься экономической статистикой (в Институте статистики и экономических исследований Госкомстата СССР, а потом России, который тогда возглавлял мой первый учитель экономики и тоже математик Эмиль Борисович Ершов), то обратил внимание на некоторые общие закономерности, которые в учебниках не очень отмечались.

Кроме того, понимание статистических механизмов (кафедра, которую я окончил в 1984 году, сейчас называется «Теории вероятностей и математической статистики», сегодня ее возглавляет А. Н. Ширяев, вице-президент Международного общества финансовой математики, он читал у нас спецкурс по случайным процессам) позволяло мне значительно более трезво смотреть на базовые основания экономической науки. Для большинства «чистых» экономистов статистические показатели — это просто некая априорная данность, полученная безупречными методами не менее безупречными исследователями. Я же, с помощью блестящих специалистов Э. Б. Ершова, В. А. Новичкова

и других сотрудников ИСЭИ с самого начала видел многие неожиданные эффекты, которые не отмечаются в учебниках и пособиях, и понимал их причины и последствия.

Дальнейшая работа в Министерстве экономики РФ и Администрации Президента РФ, а также наблюдение за многочисленными западными советниками российских реформаторов, чья идеологическая (и коммерческая, кстати) ангажированность была зачастую видна невооруженным глазом, продемонстрировали мне, что очень часто экономическая наука игнорирует реальные обстоятельства, хорошо известные практикам, но противоречащие некоторым догмам, которые могут носить как идеологический, так и внутринаучный характер.

После вынужденного ухода с государственной службы в начале лета 1998 года я с группой своих единомышленников, многие из которых тоже имели большой практический опыт управления экономикой на государственном уровне, попытался описать свои наблюдения предыдущих 10 лет в рамках некоторого более или менее прозрачного системного подхода, в результате чего родилась совместная с Андреем Борисовичем Кобяковым книга «Закат империи доллара и конец Pax American». Отмечу, что посвящена эта книга была всего лишь одному экономическому эффекту, а именно проблеме структурных дисбалансов и их негативных последствий для реальной практической экономической жизни.

Книга была написана в 2002 году, дополнена последней главой в 2003-м и в том же году вышла в свет. С того дня прошло уже больше 20 лет, и сегодня становится понятно, что очень многие мысли из тех, что там заложены, нашли свое подтверждение. Тут можно упомянуть и саму идею распада Бреттон-Вудской финансовой системы в связи с исчерпанием ее базового ресурса, и валютные зоны, и «парад девальваций», получивший в СМИ после кризиса 2008 года название «валютные войны», и проблему накопленного долга. К слову, знаменитая ныне аббревиатура БРИКС (на момент написания книги ее вообще не существовало) состоит из первых букв названий стран, которые мы предполагали как базовые в своих валютных зонах.

Тем не менее ни идеи, заложенные в книге (которые даже сегодня выглядят вполне актуально, хотя она и написана довольно устаревшим языком), ни высказанные позднее концепции, описывающие предстоящий кризис 2008 года, ни дальнейшее развитие всего кор-

пуса связанных с изложенными в книге идеями не нашли поддержки в академической науке. Причем речь не идет о том, что в книге содержались какие-то откровенно антинаучные фантазии или конспирологические бредни. Как уже отмечено выше, ряд описанных в ней конструкций уже нашел свое место в рамках развития кризисных экономических процессов в мире, однако серьезной и конструктивной критики, не говоря уже о конструктивном сотрудничестве, мы так и не дождались.

Более того, активная «творческая» работа над статистическими методиками привела к тому, что очень многие процессы, до того видимые практически невооруженным глазом, оказались спрятаны во внутренних процедурах, которые вообще в статистических сводках не показываются. Типичный пример — завышение ВВП через инструменты «гедонистических индексов» и занижение инфляции. А поскольку все статистические данные прошлых лет весьма и весьма произвольно пересчитывали под эти новые методики, становится крайне сложно сравнивать старые и новые показатели.

Так, Великая депрессия в результате стала эффектом двух близких «рецессий» (как и кризис 1970-х годов, кстати), поскольку нужно было поддержать теорию о том, что «рецессия» не может продолжаться слишком долго. Собственно, этому моменту в дальнейшем будет посвящено много места, но с точки зрения современных исследователей понять суть этих кризисов (II и III ПЭК-кризисов с точки зрения логики этой книги) стало много сложнее

В результате мировая экономическая наука не просто прозевала кризис 2008 года, который в нашей с А. Кобяковым книге был описан как неизбежный. Она даже сегодня, по истечении 15 лет с его начала, так и не в состоянии определить, из-за чего он произошел и как ситуация будет развиваться дальше. Если посмотреть на премии памяти Нобеля, которые считаются на сегодня самой престижной наградой в академической экономической науке, то ни одна из них с момента начала кризиса не была вручена за его исследования! Мы видим, что академическая наука демонстративно отказывается от публичного обсуждения самого главного (с точки зрения практически любого человека на земле) экономического явления последних лет!

Можно отметить еще и феномен несоответствия нашего анализа текущих макроэкономических процессов в еженедельных обзор-

рах Фонда экономических исследований Михаила Хазина с прогнозами официальных лиц, например главы ФРС Пауэлла. При этом как раз в долгосрочных прогнозах макропараметров (инфляции, масштабов спада и т. д.) мы раз за разом оказываемся правы, что подтверждает, что наша модель кризисных процессов более актуально отражает реальность.

При этом я (и не только я) с негодованием отмечаю мнение о том, что кризис 2008 года закончился и сменился экономическим ростом. Даже самые предварительные оценки ситуации с учетом реальных масштабов инфляции, многочисленных изменений методик оценки ВВП (в том числе включения в него «гудвила» и интеллектуальной собственности) роста не показывают. Об этом же говорит уровень жизни и доходов домохозяйств. Кроме того (и это, быть может, самое главное), не произошло принципиального снижения накопленного перед кризисом долга, более того, он существенно вырос. Иными словами, произошел просто его переучет, при котором часть нового долга уравновесила в балансах фиктивный рост ВВП.

Да и вообще, с точки зрения любого управленца-хозяйственника, что это за рост, при котором долг растет существенно быстрее ВВП? Или, иначе, что это за компания такая, в которой капитализация значительно отстает от роста долга? Ясно же, что речь идет всего лишь о конвертации части долга в механизмы капитализации, а фактическая стоимость компании в такой ситуации может только падать.

В реальности это значит, что **вопросы механизмов кризиса, его масштаба и последствий не просто не сняты с повестки дня, а, напротив, стали еще более актуальными, чем были в 2003 году.** Да и наши новые исследования, которые дополнили результаты начала 2000-х годов, показали, что на практике кризис не был преодолен, он был только лишь приостановлен. И как только ресурсы, за счет которых этот эффект был достигнут (а они, как будет видно ниже, носят ограниченный характер), будут исчерпаны, кризис возобновится с новой силой. Собственно, уже возобновился!

При этом болезненная реакция на некоторые идеи и соображения, высказанные в нашей книге со стороны академической науки, очень четко коррелировали в рамках того самого системного подхода с теми идеологическими проблемами, с которыми я столкнулся в начале 90-х годов. И появилось естественное желание дать альтернативное описание экономических процессов. Быть может, не исчерпывающее по объемам, по направлениям и по времени, но позволяющее системно описать те противоречия, с которыми я столкнулся в своих попытках разобраться в экономических процессах. И с которыми, в общем-то, сталкиваются любые исследователи и практические специалисты, пытающиеся управлять экономическими процессами как на уровне государств, так и на уровне корпораций. Ну и очень желательно было дать логически непротиворечивое и системное изложение экономических процессов для людей, не получивших формального экономического образования. Не залезая в глубокие научные дебри, практикам не очень интересные.

В части ответа на первое желание у меня, в общем, были предварительные соображения, полученные в процессе взаимодействия с экономической наукой во время моей работы на государственной службе. Ученые видят мир исключительно в рамках своих, уже согласованных друг с другом методологических схем, конструкций и моделей, и, если какие-то реальные процессы в эти конструкции не включаются, они их достаточно легко игнорируют. В лучшем случае они начинают долгосрочный (на много лет) процесс подготовки новых моделей под эти реальные процессы, в худшем — объявляют их фейком, ошибкой, артефактами, не достойными рассмотрения.

Подчас нужны десятилетия для того, чтобы сдвинуть базовые научные школы в нужном практикам направлении. И по этой причине идеи и конструкции, придуманные как раз практиками государственного управления, у которых нет не то что десятилетий, а подчас и нескольких месяцев для реакции на какие-то события, научной общественностью часто встречаются в штыки. Свою негативную роль играет и научная иерархия, войти в которую «со стороны» практически невозможно, недаром научные школы регулярно приводят как пример тоталитарных организаций.

К слову, в бытность сотрудником Минэкономики и Администрации Президента РФ я обнаружил, что получить даже минимальную пользу от официальных академических «светил» совершенно невозможно.

И позже, принимая участие в обедах, которые глава правительства Казахстана К. Масимов давал для лауреатов премии памяти Нобеля — участников Астанинского экономического форума, я видел, что они совершенно беспомощны в части ответов на реальные вопросы, которые интересны чиновникам.

В качестве примера можно привести «Диалог лидеров» на одном из астанинских экономических форумов. Это был период государственного долгового кризиса в Евросоюзе, и один из участников дискуссии лауреат премии памяти Нобеля Роберт Ауман на голубом глазу предложил просто сделать бюджеты стран ЕС бездефицитными. Я модерировал этот диалог и обратился к действующим, бывшим и будущим государственным деятелям, которые в нем участвовали, с вопросом о том, как они представляют себе такую ситуацию — с учетом того, что они понимают, что за счет дефицита бюджета стимулируется уровень жизни населения.

Участвующий в дискуссии Тони Блэр аж замахал руками от удивления от такой постановки вопроса, а К. Масимов объяснил, что падения уровня жизни населения в два раза, что неизбежно при реализации такого предложения Аумана, никто никогда не допустит. Таких историй, может быть, и менее публичных, в моей жизни было много, например, на одном из астанинских форумов примерно в такой же редакции мне пришлось поспорить с Доминго Кавальо. Но каждый раз я обнаруживал, что академические ученые за пределами своей узкой специальности в экономике разбираются значительно менее, чем лобой опытный чиновник.

Для реализации второго желания я использовал много механизмов: писал статьи, участвовал в телевизионных и радиопрограммах, вел и веду передачи на радио, были у меня и авторские аналитические передачи на телевидении («Пятерка по экономике», которая выходила на канале «Спас», и чуть позже программа на РБК-ТВ), создал сайт в Интернете (на сегодня это khazin.ru). Но все они обладали серьезным недостатком: они могли затрагивать только локальные моменты, целостную концепцию через них провести, в общем, было невозможно.

В рамках работы консалтинговой компании «Неокон», созданной мною с несколькими товарищами в 2002 году, нам удалось прочитать несколько курсов лекций по экономической теории, которые и мне, и нашим слушателям представлялись интересными и познавательными. Но серьезной работы по обработке и изданию этих лекций

нам провести не удалось, объем работы оказался слишком большой, а спрос был еще недостаточным. Значительной части тех людей, которые интересуются кризисными процессами, такое глубокое изложение теории просто не нужно, особого смысла оно для них не несет, они его просто не будут читать. А вопросы к сути экономических процессов все равно останутся. Хотя должен отметить, что выпускники наших курсов по неэкономике очень долгое время с благодарностью писали нам о том, как они им помогли понять проходящие в мире процессы.

И вот тогда я понял, что нужно писать книгу. Собственно, ее читатель сегодня и держит в руках. И посвящена она как раз системному изложению экономических процессов в мире. При этом в процессе углубления понимания моментов, рассматриваемых нами с Андреем Кобяковым в начале 2000-х, становилось понятно, что реализовать ту мечту, о которой я писал во введении, т. е. так описать развитие экономики периода капитализма, чтобы она нанизывалась, как кольца, на единый базовый стержень, — получается! Что позволило, в частности, существенно сократить многочисленные и сложные обсуждения отдельных экономических конструкций и обстоятельств, которыми переполнены практически все экономические тексты.

Кроме того, я постарался обобщить те моменты, которые, формально не являясь частью экономической теории, тем не менее играют принципиальную роль, в том числе в оценке кризисных процессов в сегодняшнем мире. В конце концов, повторю еще раз, **экономика — это общественная наука и рассматривать ее в отрыве от общественных процессов нельзя**, это неминуемо приведет к тому, что какие-то серьезные моменты будут упущены. Благодаря этому, кстати, становится возможным ответить на вопрос о том, почему экономическая наука так любит одни аспекты экономических процессов и не любит другие. Да и упомянутые выше идеологические проблемы найдут свое объяснение.

В общем, с моей точки зрения, проблема любой науки, особенно гуманитарной, состоит в том, что она по мере своего развития отрывается от той реальности, для раскрытия которой теоретически создавалась. Как уже отмечалось, мы с этим сталкивались и сталкиваемся постоянно. Например, когда рафинированные «ученые», постоянно ругающие лично меня за отсутствие базового экономического образования и нас всех за незнание «научной» терминологии, не в состоянии ответить на банальные вопросы практиков. На которые мы

в рамках своего описания реальности дали понятные и, в общем, признаваемые всеми, кто с ним знаком, ответы. Об ответах на вопросы сложные я даже не говорю.

Здесь, кстати, нужно расшифровать термин «мы», который в дальнейшем будет встречаться в книге достаточно часто. Дело в том, что в рамках системы государственного управления есть довольно много людей, которые крайне скептически относятся к разным академическим рассуждениям (в США для авторов последних даже придумано достаточно обидное прозвище «яйцеголовые»). Мой опыт общения с академическими авторитетами, описанный чуть выше, в этом смысле не является уникальным. Но эти люди не имеют возможности ни систематизировать это свое понимание, ни более или менее регулярно доносить его до широкой общественности. У них просто нет на это времени, а часто нет и привычки.

Но в нашей стране на рубеже 1990–2000-х годов произошло интересное событие: либеральная политическая команда получила возможность жестко вычистить из системы государственного управления тех людей, которые были с ней не согласны, в том числе в базовых основах регулирования экономики. Большинство из них не были склонны к чисто научной деятельности, но часть такое призвание имела. И, как мне кажется, именно по этой причине в нашей стране в начале нового века и произошел резкий прорыв в развитии экономической теории на базе политэкономии. Теоретически, может быть, если бы в 1998–1999 годах победила группа Примакова – Маслюкова, то прорыв произошел бы в либеральной экономике, но история сослагательного наклонения не имеет.

В результате у части **нелиберальных** экспертов (не путать с **антилиберальными!**), у которых уже были серьезные практические знания по управлению экономикой, причем в кризисной ситуации, появилось довольно много свободного времени. Собственно, некоторым по не зависящим от них причинам вообще пришлось несколько лет быть безработными. И они начали активно эти свои знания претворять в описание тех процессов, которые происходили в мире.

Одна из таких групп объединилась в рамках Ассоциации политических экспертов и консультантов (АсПЭК), неформальной группы, лидерами которой были ныне уже покойные политологи и политтехнологи Михаил Малютин и Александр Нагорный. Если быть более точным, то возникла эта группа еще в начале 90-х, но упор на эконо-

мическую теорию возник именно в это время. В этой группе экономической по большей части занимались Олег Григорьев и я.

Собственно, Олег Григорьев, который как раз и получил профессиональное экономическое образование и всю жизнь работал по этому профилю, начал создавать альтернативную существующим экономическим теориям конструкцию задолго до этого. Но основной прорыв произошел как раз в начале 2000-х. Мы еще довольно долго (до 2011 года) работали вместе, в том числе в компании «Неокон», затем наши пути разошлись, но мы были далеко не единственными. Самое главное то, что в начале 2000-х годов в нашей стране появилось довольно много людей, которые попытались переосмыслить экономическую теорию с точки зрения рефлексии собственного опыта государственного управления и последствий 1990-х годов, описания его в рамках единой методологии, причем без апелляции к «единственно правильной» либеральной теории. Именно этих людей без уточнения их вклада и современной активности я и понимаю под местоимением «мы» в дальнейшем тексте книги.

При этом, еще раз повторю, я вовсе не считаю, что цели и задачи этой группы носят антилиберальные цели, понимая под либерализмом не столько экономическую теорию, сколько созданную за последние десятилетия праволиберальную систему политического управления. В части экономики она включает в себя и совершенно неадекватные рецепты в стиле «вашингтонского консенсуса», и многие сложные теории, например, управления кредитно-денежной политикой.

При этом сторонники политического либерализма любую альтернативную картину мира воспринимают крайне враждебно, активно пытаются все нелиберальные исследования перевести в статус антилиберальных и, соответственно, вывести самих исследователей в статус агрессивных и опасных маргиналов. В частности, это хорошо видно, например, в обсуждениях моих работ в российской Википедии, редакторы которой, находясь на идеологической платформе либеральной экономической теории, активно пытались (и пытаются до сих пор) доказать, что мои работы вообще не относятся к экономической науке.

Возвращаясь к основной теме, должен отметить, что в попытках уточнять, распространять, расширять сферу применения созданной почти за 20 лет теории (точнее, целого комплекса локальных теорий, идей и соображений, связанных общим методологическим подхо-

дом в единую системную картину) я все время сталкиваюсь с тем, что люди, которые формального экономического образования не имеют (при том, что вообще они очень образованны), понимают ее очень быстро и легко. А вот те, кто получил такое образование в рамках либеральной экономической теории (экономикс), отчаянно сопротивляются соответствующему пониманию. Все это навело меня на мысль о том, что такое противостояние политэкономии и экономикс не случайно и одна из глав этой книги будет посвящена объективному основанию этого противоречия.

Здесь следует сделать небольшое отступление. В дальнейшем я еще не раз буду называть доминирующую экономическую школу либеральной, и такое определение у самих представителей этой школы вызывает резкий протест. Они тут же начинают ссылаться на сложные внутренние классификации и апеллировать к полной его неадекватности. Вместе с тем оно имеет абсолютно естественное объяснение, которое, впрочем, находится вне рамок собственно экономики. Дело в том, что любая гуманитарная наука тесно связана с господствующей политической идеологией (и во многом определяется ею). В части экономики это подробно описывается в рамках теории глобальных проектов, которую я описываю ниже. А вот политическая идеология описывается двумя основными координатами, противоположные концы которых соответственно «левая» — «правая» и либеральная — консервативная.

Так вот, последние 30–40 лет проходили под явным доминированием праволиберальной идеологии. И именно она формировала современный экономический мейнстрим с целью своей легитимации, разумеется. Но, как будет показано в этой книге, потенциал экономической модели, на которой была построена вся эта система, исчерпан; соответственно, начинает расплываться базовая идеологическая парадигма. Наиболее ярко это заметно в США, в которых наиболее живая политическая модель. Там движение началось от праволиберальной базы.

С одной стороны, влево — к леволиберальной идеологии, которую поддерживал самый популярный кандидат от Демократической партии Берни Сандерс. Он и проиграл праймериз 2016 года Хиллари Клинтон, скорее всего, только из-за того, что аппарат Демократической партии на тот момент контролировался людьми Клинтонов.

С другой стороны, от либерализма к консерватизму, поскольку Трамп является очевидным правоконсервативным политиком. Отметим, что естественным завершением этих процессов является левоконсервативное направление, о котором мы еще поговорим.

Но, как следствие, что бы там ни говорили сами представители экономического мейнстрима, эта теория вписана именно в праволиберальный идеологический дискурс. Собственно, по этой причине соответствующую экономическую школу имеет смысл называть праволиберальной, но нужно учесть, что существенную роль в ней играют (хотя и не являются определяющими) леволиберальные группы в Западной Европе. И, поскольку тонкости политической идеологии не являются предметом обсуждения этой книги, для простоты я опускаю первую половину этого определения. Что, впрочем, соответствует традиции общественно-политического дискурса, сложившегося в последние годы в России.

Возвращаясь к основной мысли, отмечу, что фактическая монополия либеральной экономической школы, сложившаяся последние четыре десятилетия, сделала для ее представителей крайне сложным, а подчас и невозможным понимание альтернативной логики. В том числе и потому, что это во многом обесценивает не только весь объем полученных знаний, но и наработанный за годы работы объем связей и статуса. Фактически — чем более успешной была карьера того или иного человека в рамках либеральных академических институтов, тем труднее ему отказаться от одобренных ими «идеологически безупречных» взглядов. Легче сделать вид, что неприятного знания не существует, чем какое-то, подчас значительное, время находиться в состоянии стресса и фрустрации.

Это, кстати, не только экономике свойственно, но и другим видам деятельности, включая спорт: **учить с нуля всегда проще, чем переучивать**. По этой причине я понимаю, что переучить специалистов достаточно сложно, они точно будут сопротивляться. И единственное, что тут можно сделать, — это предъявить им некую новую идейную конструкцию, которая будет сильно более привлекательной и позволит им перекомпоновать собственные знания на новой основе, в рамках новой структуры понимания предмета. Гарантируя при этом сохранение и продолжение карьеры! Плюс, разумеется, продемонстрировать, что приверженность праволиберальной идеологии

и поддержка стоящей за нею части элиты может уже и не давать гарантированного успеха в будущем.

Что касается практиков, для которых экономика — это их жизнь, то им вообще учебник не нужен: что необходимо, они и так знают. И если им пунктиром дать понятную логику, то они сами выстроят все необходимые аргументы и восстановят лакуны в теории. Учебники нужны для школ и вузов — так, я надеюсь, что в процессе развития нашей теории и до этого дело дойдет.

В общем, настоящая книга представляет собой описание той идейно-логической конструкции, которая, с одной стороны, подвигла нас на написание альтернативной экономической концепции, а с другой — расширилась в рамках ответов на практические вопросы, возникающие в процессе развития мировых экономических (кризисных) процессов. Может быть, некоторые ответы покажутся читателю неправильными — я с удовольствием ознакомлюсь с другими вариантами и идейными построениями. Новая теория для того и существует, чтобы быть поводом для максимально широкого обсуждения и общественного развития.

Как только стало понятно, что наша теория становится существенно шире, чем узкопрофильное развитие отдельных профессиональных вопросов, примерно осенью 2008 года встал вопрос о том, что для нее необходимо придумать название. Поскольку в этот момент главные разработчики (Олег Григорьев и Михаил Хазин) работали в компании «Неокон», внутри нее был брошен клич, и ее директор Денис Ракша придумал название «неоэкономика». Возможно, мои читатели сумеют найти более удачный термин, и тогда в следующих изданиях я и стану его использовать. Но в любом случае неоэкономика — это развитие идей политэкономии в рамках ее главной ветви от Адама Смита и Маркса до Розы Люксембург.

И в заключение первой главы еще раз повторю смысл этой книги: это описание идейно-логического контура, который объясняет развитие экономики за последние два тысячелетия, в том числе общие для современного капитализма и античного Рима моменты, возникновение капитализма и кризисы последних десятилетий. Но особое внимание уделено именно периоду капитализма, т. е. периоду с XVI века до наших дней, современному кризису, который можно, пусть и с некоторой натяжкой, назвать последним кризисом капитализма.

Отмечу, что в процессе написания этой книги мне еще раз стало понятно, что **базовые экономические идеи подвержены определенной цикличности** — они то неожиданно исчезают из повседневности, то столь же неожиданно возрождаются. Так, между экономическими моделями социализма и феодализма много общего, как и между моделью античного Рима и финансовым капитализмом. И есть серьезные основания считать, о чем читатель прочтет ближе к завершению, что некоторые из старых идей дадут толчок развитию посткризисной экономики. Именно этим обстоятельством вызвано название книги, и этому обязано значительное место, которое в ней уделено историко-философским вопросам.